

Для внешней политики России 2010 г. стал годом концептуального осмысления ее восточного направления. Каковы итоги российского внедрения в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) в 2010 г.? В чем специфика отношений России со странами региона и общей региональной политики России? Что препятствует встраиванию России в региональный контекст и какие задачи необходимо решить для полноценного взаимодействия со странами АТР?

ПИР-Центр совместно с журналом Международная Жизнь при поддержке МИД РФ провел круглый стол «Азиатский вектор внешней политики России: итоги года и перспективы»¹. В работе круглого стола приняли участие: заместитель директора департамента Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества МИД РФ К.М. Барский, заместитель министра иностранных дел России А.Н. Бородавкин², заведующий отделом Кореи и Монголии Института востоковедения РАН А.В. Воронцов, директор Третьего департамента Азии МИД РФ М.Ю. Галузин, директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО (У) МИД РФ А.В. Лукин, исполнительный директор фонда «Русский Мир» В.А. Никонов, главный редактор журнала Международная Жизнь А.Г. Оганесян, президент ПИР-Центра В.А. Орлов, ректор Дипломатической академии МИД РФ А.Н. Панов, главный специалист департамента международного сотрудничества государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» В.А. Пестов, директор Центра АСЕАН в МГИМО (У) В.В. Сумский, вице-президент фонда «Единство во имя России», директор корейских программ Института экономики РАН Г.Д. Толорая³.

В.А. ОРЛОВ (ПИР-ЦЕНТР): Россия, являясь евро-тихоокеанской державой, взяла принципиальный курс на выравнивание европейского и тихоокеанского векторов своей внешней политики. Существует и правительственный план мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г. Теперь главный пункт повестки дня – переход от деклараций и встраивания общих планов к их реализации. Естественно, внешняя политика должна лишь помочь, облегчить решение наших внутренних задач на этом направлении.

Российская внешняя политика старается здесь *попешать*. Весь 2010 г. и в особенности его последние месяцы являются весьма характерными. Здесь стоит обратить внимание на участие России, ее президента в саммите АТЭС, в саммите Россия–АСЕАН. Закладывается фундамент взаимодействия со странами региона. И этот фундамент должен быть готов к *АТР-прорыву* России, к 2012 г. – к саммиту АТЭС, который состоится во Владивостоке.

Насколько этот фундамент был укреплен в 2010 г.?

РОССИЙСКИЙ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ МАНЕВР

А.Н. БОРОДАВКИН (МИД РФ): Для восточного направления российской внешней политики минувший год был напряженным и результативным. Наша внешнеполитическая линия в АТР основывалась на понимании неразрывной взаимосвязи между будущим нашей страны и сотрудничеством со странами этого региона, куда в последние годы уверенно смещается *центр гравитации* глобального развития, а также на осознании безальтернативности встраивания российской экономики в набирающие обороты региональные интеграционные процессы.

При этом принципиально важно, что мы предложили нашим партнерам позитивную, объединительную повестку дня. Россия не искала односторонних преимуществ, не стремилась играть на имеющихся противоречиях, а утверждала свою роль через готовность к сотрудничеству со всеми странами, проявляющими встречную заинтересованность в таком сотрудничестве. В этом залог повышения профиля нашей страны в АТР в качестве фактора стратегической стабильности и устойчивого экономического развития.

Прошедший год был ознаменован тем, что Россия и Китай совместно выдвинули внешнеполитическую инициативу по совершенствованию архитектуры безопасности и сотрудничества в АТР. Суть этой инициативы состоит в том, чтобы государства региона исходили в своих взаимоотношениях из осознания неделимости безопасности, отказались от попыток укрепить собственную безопасность за счет безопасности других. С помощью этих новых подходов к обеспечению безопасности в АТР можно будет избавиться от конфронтационного наследия холодной войны, не допустить возникновения в регионе новых разделительных линий, способных поставить под угрозу перспективы интеграционного сораствления азиатско-тихоокеанских государств.

Рассчитываем, что диалог по этой актуальной теме будет продолжен в рамках ВАС, Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ), совещаний министров обороны стран – членов АСЕАН и ее диалоговых партнеров («СМОА плюс»), других региональных структур. Многое в плане концептуальной проработки вопросов безопасности АТР способно сделать экспертное сообщество в формате *второй дорожки*, например, по линии Азиатско-Тихоокеанского совета сотрудничества по безопасности (АТССБ) и конференций *Шангерла-диалог*.

Заметно увеличились прямые капиталовложения азиатских государств в российскую экономику. Речь идет как о Сибири и Дальнем Востоке, так и о европейской части страны. Например, в Ярославле заработал завод по выпуску строительной и специальной техники японской компании *Комацу*, под Санкт-Петербургом открылся автомобильный завод южнокорейской корпорации *Хендэ*. С Востока пошли в Россию инвестиции в нефте- и газопереработку. Высокий интерес наши партнеры по АТР проявили к российской программе приватизации, рассчитанной на 2011–2013 гг.

Если говорить о культурных и гуманитарных контактах России с ее восточными соседями, то они в 2010 г. стали еще более насыщенными. Так, в рамках года китайского языка в России состоялось более 200 мероприятий. Подписана Программа культурных обменов между Россией и Индией на 2010–2012 гг. В странах региона активно действуют и открываются все новые российские центры науки и культуры. В рамках проекта по созданию Университета ШОС в *пилотном режиме* началась подготовка магистров по согласованным программам обучения на базе 62 вузов государств – членов Организации. В Москве состоялась инаугурация Центра АСЕАН. В течение года создано четыре новых центра фонда «Русский Мир» – в Ханое, Хошимине, Шанхае и Даляне. Растут масштабы туристических обменов со странами АТР.

В целом 2010 г. на азиатском направлении российской внешней политики оставил позитивный след. Усилия по развороту России *лицом на Восток* в соответствии с поручениями, данными президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым по итогам состоявшегося 2 июля 2010 г. в Хабаровске совещания по вопросам социально-экономического

развития Дальнего Востока и укрепления позиций России в АТР, начали приносить практические результаты.

Ю.М. БАРСКИЙ (ДЕПАРТАМЕНТ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МИД РФ): Региону, где, в отличие от Евроатлантики, не сложилась единая система безопасности, где нет ни Хельсинкского акта, ни организации по безопасности и сотрудничеству, нужна какая-то гибкая, многослойная, многомерная архитектура, которая была бы открытой, равноправной, транспарентной; которая основывалась бы на принципах и нормах международного права; которая учитывала бы в максимальной степени интересы всех государств региона. Над этими идеями мы и предлагаем поработать в предстоящие годы всем странам региона.

Такие идеи высказываются не только нами, но и другими партнерами по АТР, а к инициативе, выдвинутой совместно с Китаем, интерес проявляет и Индия, и асеановские партнеры.

Общие условия для России (и продвижения ее инициатив) в регионе складываются неплохие. Нас связывают отношения традиционной дружбы и партнерства с целым рядом государств, причем государств ключевых – это Китай, Индия, Вьетнам; у нас активно развиваются отношения со странами АСЕАН, с Республикой Корея. Есть целый план мероприятий по *информационному сопровождению* нашей внешней политики в АТР, что позволит добиться более адекватного восприятия России и ее политики в регионе. Это, кстати, один из результатов вышеупомянутого совещания в Хабаровске.

Китайские партнеры заинтересованы в том, чтобы Россия занимала более прочные позиции в регионе. Мы действительно выступаем в качестве их близких партнеров по многим вопросам глобальной повестки дня, видения современного мироустройства, по вопросам безопасности. Китайцы заинтересованы в том, чтобы сотрудничать с нами. При этом мы пока не можем выступить в качестве конкурента Китая в Азии и на Тихом океане.

В активном участии России в региональных делах заинтересована Индия. У индийцев тоже есть свои сомнения относительно укрепления позиций ряда стран региона, и им хотелось бы в лице России видеть некий контрбаланс. Индия заинтересована в нашей поддержке во вступлении в АТЭС, куда они давно пробиваются, и по целому ряду других направлений.

Что касается стран АСЕАН, то вся политика этой региональной группировки построена на балансе сил. Она выступает за то, чтобы все внерегиональные и региональные державы присутствовали здесь достаточно взвешенно, равномерно, и таким образом и укрепляет свою роль в регионе, и стабилизирует ситуацию в целом.

Регион сейчас находится между США и Китаем, как *между молотом и наковальней*. Никто не хочет конфликта между этими странами. С другой стороны, все заинтересованы в том, чтобы была какая-то система сдержек и противовесов, при которой все государства имели бы возможность реализовывать свои интересы, избегая конфликтов между крупными странами. Именно этим обусловлена актуальность инициативы создания *архитектуры безопасности*. Есть основания полагать, что у этой инициативы есть перспективы.

В.А. НИКОНОВ (ФОНД «РУССКИЙ МИР»): 2010 г. действительно был годом *разворота* российской политики на восток, к Азиатско-Тихоокеанскому региону. В начале июля 2010 г. на вышеупомянутом совещании по социально-экономическому развитию Дальнего Востока в Хабаровске президентом были даны поручения, в том числе правительству и Министерству иностранных дел подготовить новую концепцию укрепления позиций в АТР. И это, безусловно, отражает те мега-тенденции, которые происходят в современном мире и которые только ускорились в связи с мировым экономическим кризисом.

Главная *мега-тенденция* – это смещение глобального центра силы в АТР. И страны АТР становятся сейчас двигателем развития мировой цивилизации, беря на себя ту роль,

которую на протяжении пяти последних столетий исполняла Европа. Сегодня на долю стран АТР приходится уже 60% мирового ВВП, приблизительно 40% совокупных мировых инвестиций, и все эти цифры будут только увеличиваться. В АТР находятся три крупнейшие мировые экономики – это США, Китай, Япония. На АТР приходится ровно половина *Большой двадцатки* – за скобками (азиатскими скобками) остается только Мексика в этой десятке государств. И, конечно, средние темпы роста в АТР гораздо выше, чем во всех других странах мира, в развитых странах. В то время как европейские государства переживают очевидный кризис и темпы роста ВВП в странах ЕС в 2010 г. вряд ли превысят 1,5%, все страны АТР растут быстрее 7%, а некоторые и быстрее 12% в год.

Для России этот стратегический маневр исключительно важен, потому что экономическая *завязка* на Европу, на которую приходится 60% и больше нашей внешней торговли, – это во многом ловушка для Российской Федерации. Глубина нашего кризиса во многом объясняется именно нашей огромной зависимостью от спроса на энергоносители в странах ЕС.

Азиатская часть АТР – также важнейший мировой полигон модели политической модернизации, которая воспринимается не как чистая *вестернизация*, а как особый путь развития, основанный на синтезе демократических форм правления и местной политической культуры. Регион также очень важен с точки зрения того конфликтного потенциала, который там заложен, и тех множасьих вызовов и угроз безопасности, которые напрямую затрагивают и интересы Российской Федерации. В первую очередь, это проблема Корейского полуострова, которая сейчас резко обостряется. Кроме того, есть застарелые территориальные споры вокруг островов акватории Восточно-Китайского, Южно-Китайского морей, причем это все только обостряется. Южно-Китайское море превращается сейчас в одно из основных *мест сплетения* геополитических интересов крупнейших мировых держав. Есть многие неурегулированные пограничные проблемы. И существует очень серьезная опасность внутривнутриполитической дестабилизации в ряде стран региона.

Регион важен и с точки зрения того, что сейчас именно туда перемещается центр военно-политического соперничества между государствами. Именно в АТР находятся пять государств с самыми крупными по численности армиями – это США, Китай, Индия, КНДР и Российская Федерация. Это тот регион, где происходит резкое наращивание военных расходов, военных потенциалов. В развитых странах процесс сейчас обратный, и лидирующие позиции по темпам роста, помимо Соединенных Штатов, занимают сейчас Китай, Япония, Индия и Южная Корея. И поэтому конечно, любой из дремлющих конфликтов может обернуться очень большой бедой. Важно проявлять большее внимание к этим региональным конфликтам.

Концепция «Россия – это евро-тихоокеанская страна» является гораздо более перспективной, чем «Россия – европейская страна» или «Россия – евразийская страна». Евразийство все-таки тянет *на юг*, тогда как евро-тихоокеанская ориентация в большей степени нацеливает на сотрудничество с ведущими центрами силы современного мира. И политика на превращение России в *действительно* евро-тихоокеанскую страну (а второй такой страной являются только Соединенные Штаты Америки – другой евро-тихоокеанской страны нет) должна предполагать решение *триединой задачи*.

Первое – это развитие российского Дальнего Востока с использованием возможностей быстрорастущих соседних государств и с последующим задействованием возросшего потенциала дальневосточного региона для максимизации нашего влияния в АТР. *Второе* – это превращение России в крупную составляющую часть экономики АТР, то есть *России*, а не только российского Дальнего Востока. И *третье* – это увеличение роли страны как ключевого геополитического и геоэкономического игрока в АТР, важного участника региональных миграционных процессов и механизмов коллективной безопасности.

Сотрудничество в АТР – это действительно важнейшее направление и российской внешней политики, и развития российского Дальнего Востока. Это безусловный императив.

Важно обратить внимание на непреложный демографический фактор. Население всего российского Дальнего Востока восточнее озера Байкал – 7 млн человек. Население пограничных провинций Китая – 280 млн человек. Далее, население Северной Кореи – это 24 млн человек. Население Южной Кореи – это уже 50 млн человек. К примеру, население Филиппин, площадь которых равна площади Камчатки, составляет 95 млн человек и растет со скоростью 2–3 млн в год. Не говоря уже о 85 млн вьетнамцев, которые забыли русский язык.

Российский комитет Азиатско-Тихоокеанского совета сотрудничества по безопасности (АТССБ) в 2010 г. подготовил доклад об азиатско-тихоокеанской стратегии. Он уже опубликован. И мы его заканчиваем такой фразой: «Китайские политики в конце 1990-х гг. в неофициальном порядке выдвинули стратегию – опереться на Север, стабилизировать Запад, идти на Юг. И Россия могла бы сформулировать свое геополитическое поведение на ближайшее десятилетие такой формулой – опереться на Запад, стабилизировать Юг, идти на Восток». Запад – это источник высоких технологий и качественных инвестиций. Юг – источник основных угроз безопасности. А Восток – это растущий центр современного мира, рынки сбыта и возможности для интеграции и всестороннего сотрудничества.

НУЖНА ЛИ РОССИЯ В АТР?

М.Ю. ГАЛУЗИН (ТРЕТИЙ ДЕПАРТАМЕНТ АЗИИ МИД РФ): С точки зрения российских общерегиональных интересов – более глубокой интеграции России в АТР, прежде всего, в модернизационном и инновационном сегментах, как на это нас нацеливает руководство страны, 2010 г. оказался достаточно результативным. Тут можно говорить об укреплении позиций России в АТР, включая и политические, и экономические аспекты. Ни в коем случае нельзя ни успокаиваться, ни тем более *почивать на лаврах*, но кое-какие, пока скромные, заделы для дальнейшей работы есть.

И вот такому промежуточному, более или менее позитивному результату, способствовали как определенные целенаправленные усилия с нашей стороны, так и в целом более благоприятная (чем еще совсем недавно) обстановка в регионе с точки зрения интересов России.

На фоне достаточно высокой динамики посткризисного восстановления во многих странах Юго-Восточной Азии и Океании и на фоне активизации поисков в АТР оптимальных моделей обеспечения безопасности возрос *спрос на Россию*. В нас, при всех объективных сложностях нашего вхождения в АТР, все-таки видят достаточно перспективный (и инвестиционный, и товарный) рынок, а в каких-то сегментах – и многообещающего инвестора, и поставщика энергоносителей. Кроме того, очень многие страны рассматривают нас как достаточно весомый стабилизирующий фактор в непростой политико-военной ситуации в регионе. Дают о себе знать как глобальные вызовы (это и распространение ОМУ, и международный терроризм, и транснациональная преступность), так и известный набор застарелых и относительно новых сугубо региональных проблем и потенциально конфликтных ситуаций (от ядерной проблемы Корейского полуострова до территориальных разногласий в Южно-Китайском море).

Эта возросшая *востребованность* России в регионе материализуется в последнее время, прежде всего, в таких событиях, как вхождение России в механизм Восточно-азиатских саммитов, присоединение к диалогу в рамках форума Азия–Европа, в повышении нашего профиля в АТЭС, в возросшем стремлении стран АСЕАН к уплотнению разнообразной кооперации с нами, что проявилось на втором саммите Россия–АСЕАН. Причем во многих случаях это происходило именно благодаря активизации высокотехнологичных инновационных сегментов сотрудничества с этими государствами.

Произошло существенное укрепление стратегического партнерства с Вьетнамом. По итогам визита президента России в Ханой в октябре 2010 г. достигнут ряд крупных договоренностей, главная из которых – это сотрудничество в создании во Вьетнаме, с нашей технологической и финансовой помощью, атомно-энергетической отрасли.

На основе договоренностей, достигнутых в ноябре 2009 г. президентом России с руководством Сингапура, получили дальнейшее развитие отношения с этим крупным экономическим, научно-технологическим и финансовым центром региона. В сентябре начала работу двусторонняя комиссия высокого уровня, которую с нашей стороны возглавляет вице-премьер В.В. Володин. Подписано соглашение о взаимной защите инвестиций. И, что достаточно важно, на системной основе осуществляется взаимодействие с Сингапуром в целях имплементации на российской почве сингапурского, действительно передового, опыта в создании системы электронного правительства, что для нас чрезвычайно важно.

Заметно оживились отношения с Австралией и Новой Зеландией – с государствами, с которыми до последнего времени, отчасти по объективным причинам, отношения были не столь активные, как хотелось бы.

С Австралией установлен тесный, доверительный, конструктивный контакт с новой лейбористской администрацией в результате встречи президента с премьер-министром Австралии в Сеуле в ноябре 2010 г. Важным шагом стало завершение процесса ратификации и вступление в силу российско-австралийского соглашения о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии.

В отношениях с Новой Зеландией наряду с тем, что установлен действительно плотный контакт с новозеландским руководством, дан старт во многом уникальному для России проекту – запущен официальный диалог о заключении соглашения о свободной торговле между Таможенным союзом (Россия, Белоруссия, Казахстан) и Новой Зеландией. По оценке российских экспертов, этот проект сулит нам достаточно серьезные выгоды, поскольку экономика Новой Зеландии уже очень прочно встроена в такое системное экономическое взаимодействие в АТР.

Разумеется, с точки зрения масштабов отношений и их стратегического веса в зоне к востоку от Китая были и остаются связи и сотрудничество с Японией. К сожалению, эти отношения до сих пор отягощены негативным грузом прошлого, если говорить о территориальных претензиях Японии к России. И то, как негативно этот фактор может влиять на атмосферу отношений, со всей очевидностью проявилось совсем недавно в результате известной японской реакции на поездку Д.А. Медведева на остров Кунашир. Однако даже при подобных обострениях отношений и в целом при наличии в них нерешенной, столь сложной и чувствительной для обеих стран проблемы, как пограничная, – все-таки двусторонние связи имеют тенденцию к постепенному развитию, в том числе в экономической сфере. Именно такая направленность отношений была закреплена в результате встречи президента России с премьер-министром Японии Наото Каном в ноябре 2010 г. в Йокогаме на полях саммита АТЭС, когда лидеры договорились наращивать сотрудничество по таким направлениям, как торгово-экономическая кооперация, взаимодействие в АТР, более плотная координация на международной арене в целом. Такой формат отношений послужит базовой предпосылкой для создания благоприятной атмосферы в целях дальнейшего продолжения диалога по проблеме мирного договора. Продолжить такой диалог лидеры тоже согласились.

А.Н. ПАНОВ (ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ МИД РФ): *Японский сюжет* показывает, что мы в последнее время плохо работали с Японией или вообще не работали. Эти наши фестивали, *чебурашки* в Японии – это все хорошо, но они не дали того эффекта, которого мы хотели – чтобы к России стали относиться *по-другому*. Мы всегда относились к Японии так: «Ну, что там Япония? Плохого она такого ничего сделать не может, но и получить с нее какие-то деньги тоже особо не удастся. Поэтому ладно, пусть уже так живет, как есть». Но Япония нам важна, и не только как экономический или научно-

технологический партнер, но также как баланс для наших отношений с Китаем. Это совершенно очевидно. Что же в этой ситуации нужно делать?

С японцами надо разговаривать не только на самом верху. Проблема заключается в том, что мы практически не знаем японскую политическую элиту, особенно нынешнюю, с ней никто не работал. Вообще, что там за люди сейчас в правительстве и в партии и какая раскладка сил? С японскими СМИ, с учеными, за исключением тех, которые известны уже 30–40 лет, мы тоже практически не работаем. Нужно налаживать широкий диалог с японцами.

Вторая проблема – это нерешенный территориальный вопрос. Даже хорошо то, что произошло [обострение противоречий по поводу принадлежности южных Курильских островов – *ред.*], поскольку высветило наши острые расхождения с японцами. Но начинать какой-то разговор действительно нужно, возвращаясь к тому, о чем мы говорили в конце 1990-х или в начале 2000-х гг. Нужно пытаться втянуть их хотя бы в диалог об островах.

В общерегиональном контексте ситуация с Японией может иметь не вполне желательные последствия. Из региональных организаций, в участии в которых Россия могла бы быть заинтересована, остался Азиатский банк развития, но, с учетом наших отношений с Японией, вряд ли нам туда *светит* быстрое поступление. Важно помнить, что японцы до последнего стояли против нашего подключения и к АТЭС, и только после встречи в Красноярске в 1997 г. они сняли свое возражение.

Теперь – к вопросам более общим. Соглашусь с моими коллегами в том, что 2010 г. был очень успешным для нашей внешней политики с точки зрения укрепления позиций в регионе АТР. Мы, наконец, приняты в АСЕМ, в ВАС. На протяжении многих лет наша внешняя политика, опираясь на очень скудные дипломатические, политические и экономические ресурсы, тем не менее, добивалась того, чтобы Россия была признана в регионе как азиатско-тихоокеанская держава.

Проблема существует в том, что мы принимаем концепцию за концепцией, стратегию за стратегией, но мало что меняется в реальности. Мы сейчас создадим очередную концепцию, по которой все будет *правильно*. Сейчас уже никого не надо убеждать, что Россия *должна* идти на Восток, с этим все согласны, но вот как идти и что делать? С этим, к сожалению, намного сложнее. Как мы воспринимаем пресловутую *интеграцию* в регион АТР? Мы входим в регион, а к себе никого не пускаем. Вот наш подход к интеграции. И это, к сожалению, на Дальнем Востоке очень сильно ощущается. Попытки иностранцев осуществлять бизнес отторгаются. Но дело все в том, что наша экономическая модель вообще отвергает инновацию и модернизацию. Почему она должна быть другой на Дальнем Востоке? Пройдет саммит АТЭС, и все мы забудем этот саммит. Останется от него лишь мост на остров Русский (не очень-то нужный), ну, и прекрасный университет.

Занимаясь этой проблематикой уже на протяжении 20 лет и даже больше, я, к сожалению, не вижу, чтобы происходил коренной перелом российской политики на Дальнем Востоке в отношении развития этого региона. Надежда, конечно, умирает последней. Может быть, последняя концепция, которая создается, действительно изменит ситуацию. Хотя у меня лично никаких радужных представлений на этот счет нет.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА – КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

ПАНОВ: Очевидно, мы хотим очень активно заявить о себе во всех форумах, везде выдвинуть свои инициативы, везде *засветиться*. Но нужно ли нам вообще такую активность проявлять на всяких форумах? Может быть, сосредоточиться как раз на том, чтобы поддерживать те инициативы, с которыми выступают сами региональные державы, и не считать, что мы лучше всех знаем, что нужно в регионе делать? Хотя, конечно, есть ряд проблем, где мы могли бы и должны были бы выступить более активно.

Одна из таких проблем – это Корейский полуостров. Произошло обострение, но никто опять ничего не предлагает, кроме как вернуться к *шестерке*. Но что такое *шестерка* в принципе? Она не предотвратила ядерные испытания в Северной Корее, ни в чем не продвинулась, хотя, конечно, какие-то наработки там были. Она не дала того результата, на который рассчитывали, и кризис на Корейском полуострове – это ярчайшее свидетельство того, что *шестерка* не даст ничего, сколько бы мы ее ни пытались возродить, если вообще ее можно сейчас возродить. Конечно, бросить старый портфель трудно, все-таки был у него какой-то задел, но почему бы не попробовать осуществить переговорный процесс на каких-то новых началах?

Ядерная проблема – эта важная проблема для Китая, Японии, Кореи, США, но для Северной Кореи – это же не главная проблема, это карта, которую КНДР разыгрывает. И пока она не получит того, что она хочет получить, она будет ее вытаскивать и махать ею. Поэтому нужно сформулировать новую повестку дня *шестисторонки* или более широкого формата: как вернуться к тому, *на чем остановились в 1953 г.*? Нужно менять перемирие на мир и решать все вопросы, сопутствующие этой проблематике. Если бы мы смогли выступить совместно с Китаем, то Северная Корея согласилась бы, осознав привлекательность повестки дня.

А.В. ВОРОНЦОВ (ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН): 2012 г. – помимо прочего, важный год для Северной Кореи, они готовятся отмечать 100-летие со дня рождения Ким Ир Сена.

Возникли иллюзии, что в Северной Корее в ближайшем будущем возможна смена режима, что только надо поднажать. Вот эта идея, похоже, овладела умами тех, кто принимает решения в Сеуле, в последние месяцы еще больше, чем раньше. Это совпало с тезисом о том, что США активизировали усилия по сдерживанию Китая, в том числе путем выстраивания окружения, выдвигая военную инфраструктуру к границам Китая. И вот тут корейская проблема создает прекрасный повод и возможность для объяснения и проведения интенсификации военных маневров, которые там не прекращаются. То есть в Сеуле создалась иллюзия, что усиление активности с целью свержения режима в Пхеньяне не только возможно, но и необходимо. Этот фактор был использован Вашингтоном в целях усиления давления на Китай; была сделана попытка *оторвать* Северную Корею от Китая и показать Китаю, что цена поддержки Северной Кореи для него становится непомерно высокой.

Хотя северокорейский режим внутри вполне устойчив, все вышеперечисленные факторы могут привести к наихудшему сценарию. Мы надеемся, что до этого предела не дойдет, но, к сожалению, потенциал вероятности худшего сценария – возникновения крупного конфликта на Корейском полуострове нарастает, – что может нам осложнить и саммит АТЭС 2012 г., и в целом развитие нашего дальневосточного региона.

Необходимо обращать внимание на сохранение *статус-кво* на Корейском полуострове, а силовая смена режима в Северной Корее не в наших интересах. Чтобы решать этот вопрос, требуется активизация нашей традиционной линии – нужны не только призывы, но какие-то конкретные действия с тем, чтобы перевести эту конфликтную ситуацию в переговорно-дипломатическое русло.

Г. Д. ТОЛОРЯЯ (ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН): Что послужило причиной нынешнего обострения на Корейском полуострове? В 2008 г. консервативное правительство Южной Кореи перешло к политике нажима. Эта политика нажима и изоляции базировалась на убежденности консерваторов в том, что северокорейский режим исторически обречен, что у Ким Чен Ира начались проблемы со здоровьем, что проблема с *престолонаследием* не была решена в тот период. Обострялась ситуация вокруг ядерной проблемы, что позволяло применять к Северной Корее санкции и изоляцию. И тогда определенные силы в Южной Корее пришли к выводу о том, что падение или смена режима не за горами, и надо всерьез готовиться и к объединению или, во всяком случае, к каким-то практическим действиям в этой области.

Удивительно то, что южнокорейцы об этом говорили американцам. Как стало известно из *WikiLeaks*, помощник президента по национальной безопасности убеждал американцев в том, что китайцы согласны будут на объединение Кореи на южнокорейских условиях, что китайцы устали от Северной Кореи, что дело в том, чтобы сделать последнее усилие. Надо сказать, что это, в общем, полное непонимание реальной ситуации, полное отсутствие аналитических возможностей у южнокорейцев. 20 лет они ждут, когда режим развалится, а он все никак не развалится и вряд ли развалится в обозримом будущем.

Северная Корея была поставлена в такое положение, когда из достаточно скудного арсенала внешнеполитических ресурсов она была вынуждена прибегнуть к наиболее эффективному – политике нажима, политике военных угроз и провокации. Все это наложилось еще и на проблемы с передачей власти, для которой нужно было создание имиджа сильного и решительного руководства. Инцидент с *Чхонаном* в марте 2010 г. был использован для того, чтобы против Северной Кореи развернуть беспрецедентную кампанию по изоляции и нажиму с прицелом на капитуляцию режима. И Северная Корея просто была вынуждена использовать тот инструментарий, который она имеет в своих руках – это военная сила. Этим и объясняется инцидент на Ёнпхэндо, который произошел в ноябре 2010 г. Притом что суть этого инцидента – не противостояние Севера и Юга по идеологическим или глубоким военно-политическим причинам, а чисто территориальный спор, которых много в Азии, да и в других местах, и здесь у обеих сторон своя правда. Причем северокорейская позиция с точки зрения международного права более справедлива.

США явно попытались использовать этот инцидент в качестве повода для того, чтобы заставить Китай играть роль вестимого в обеспечении вопросов безопасности в Северной Кореи. Это прецедент, и необходимо следить за этим процессом и нашим экспертам, и практическим работникам, и в том числе использовать больше возможностей для того, чтобы чисто дипломатическими средствами, в том числе и через контакты в рамках международных организаций и в новых структурах, прогнозировать ситуацию и защищать наши интересы.

В 2010 г. стало очевидно, что списывать со счетов *жесткую силу* в вопросах безопасности и думать, что все можно решить путем экономического взаимодействия и путем использования *мягкой силы*, все-таки преждевременно. Обострение корейского конфликта, обострение японо-китайского территориального конфликта, ситуация вокруг южнокитайского и других пограничных конфликтов и уже ставшее явным намерение США сдерживать Китай, в том числе путем выстраивания по периметру определенной структуры союзнических отношений и военного присутствия, – все это указывает на то, что вопросы безопасности в Азии все-таки играют важную роль в региональных отношениях.

Если говорить о российском Дальнем Востоке, то нашим он является всего лет двести или триста, что по меркам существующих там государств с многотысячелетней историей – небольшой исторический эпизод. Этот фактор нельзя сбрасывать со счетов, и необходимо понимать, что отсюда могут исходить угрозы, в том числе и военные – здесь может возникнуть острый конфликт. Так, на том же Корейском полуострове в случае обострения ситуации, в случае проведения, скажем, США соответствующей нажимной линии, может возникнуть конфликт, который мы контролировать не будем, но последствия которого мы будем пожинать. В связи с этим встает вопрос о том, насколько эффективны многосторонние механизмы поддержания безопасности.

Необходимо проводить различия между *PR*-усилиями, между методами публичной дипломатии и теми реальными возможностями для решения проблем и каналами, которые не всегда действуют и видны открыто. Создание *сети* из множества организаций, которые так или иначе заставляют участвующих в них экспертов и официальных лиц встречаться и обсуждать наиболее серьезные вопросы, чрезвычайно важно. Первая встреча на уровне министров обороны, которая прошла в 2010 г., – это весьма важное событие, и нам необходимо не оставаться в стороне от этих процессов.

Россия в экономическом плане пока еще карлик и, в общем, в Азии не скоро займет ведущие позиции. Однако она имеет вес в политическом плане и сможет сыграть важную роль балансира, державы с довольно серьезным дипломатическим потенциалом. Россия востребована, при не слишком значительных ресурсах и не слишком больших вложениях. Мы должны быть участниками многих процессов и должны в них обозначать свою позицию.

РОЛЬ ЭКОНОМИКИ

БОРОДАВКИН: Важно отметить, что наши торгово-экономические отношения с азиатскими государствами уже превзошли докризисные показатели. За первые десять месяцев 2010 г. суммарный товарооборот России со странами АТР превысил 120 млрд долл., что на 35% выше показателя за аналогичный период 2009 г. Динамика торговых связей с отдельными партнерами выглядит особенно внушительно: ожидается, что по итогам 2010 г. объем торговли России с Китаем и Республикой Корея вырастет по сравнению с 2009 г. почти вдвое. В целом в 2010 г. наш товарооборот со странами АТР рос опережающими темпами по сравнению с другими регионами мира.

На Востоке у России начали формироваться модернизационные альянсы с целым рядом передовых в технологическом отношении государств. В качестве примера можно привести интерес к участию в проекте *Сколково*, проявленный Республикой Корея, Китаем, Японией, Индией и Сингапуром.

Во взаимодействии с соседями по АТР успешно осуществлялись масштабные двусторонние экономические проекты. Пошла нефть по первому российско-китайскому нефтепроводу Сковородино–Дацин. Динамично развивалось сотрудничество в области мирного атома с Китаем, Индией, Ираном, Вьетнамом, Монголией, Австралией, Японией и Бангладеш. Ширится взаимодействие в космической области с КНР, Индией, Японией, Республикой Корея, Индонезией. Заключены соглашения с Индией по совместному использованию потенциала российской глобальной навигационной спутниковой системы (ГЛОНАСС). Растут поставки российского сжиженного газа в Республику Корея и Японию с сахалинских месторождений. Новым свидетельством высокого уровня развития российско-китайского финансово-экономического сотрудничества стало начало торгов на ММВБ и Шанхайской фондовой бирже по паре рубль–юань, что позволило запустить переход в двусторонних внешнеторговых расчетах на национальные валюты.

Знаковым событием стал старт переговоров по заключению соглашения о создании зоны свободной торговли между государствами – членами Таможенного союза (Россия, Белоруссия, Казахстан) и Новой Зеландией. Этот *пилотный* проект призван придать импульс встраиванию России в процессы либерализации торговых и инвестиционных режимов в АТР с учетом перспективы вступления России в ВТО.

Ключевые моменты внешней политики России на азиатско-тихоокеанском направлении включают ее участие в механизме ВАС, участие в деятельности ШОС, работу в форуме АТЭС и подготовку к саммиту АТЭС 2012 г. во Владивостоке, взаимодействие с АСЕАН, отношения с Индией и Китаем в формате РИК, прием нашей страны в Форум Азия–Европа.

В.А. ПЕСТОВ (ГК РОСАТОМ): Вопреки негативным последствиям мирового экономического кризиса, все более актуальным во многих странах в последние годы становится вопрос использования ядерной энергетики, особенно в условиях *атомного ренессанса* в мире. Многие страны на современном этапе находятся в стадии оценки своих возможностей развития атомной энергетики. По данным МАГАТЭ, на сегодняшний день около 60 государств заявили о своем желании развивать национальную ядерную энергетику. В связи с этим *Росатом* одним из приоритетов на ближайшую долгосрочную перспективу видит развитие сотрудничества в области мирного использования атомной энергии с другими странами, в частности за счет строительства объектов атомной энергии, экспорта ядерных технологий и оказания услуг в данной сфере. Так, Российская Федерация

и *Росатом* в 2010 г. подписали более 20 межправительственных и межведомственных соглашений и меморандумов в области мирного использования атомной энергии.

Надо отметить, что наибольшую активность в вопросах развития мирной энергетики проявляют страны АТР, где имеются государства с уже развитым мощным энергетическим потенциалом – Южная Корея, Япония, Китай, Индия, а также относительно молодые в плане ядерной энергетики страны – Вьетнам и Бангладеш.

В октябре 2010 г., во время официального визита Д.А. Медведева во Вьетнам, было подписано межправительственное соглашение о строительстве во Вьетнаме первой атомной электростанции. Также ведутся активные переговоры о подписании межправительственного соглашения о строительстве станции в Народной Республике Бангладеш. В Индии и Китае атомные станции активно строятся, был подписан ряд межправительственных соглашений по этому поводу. Также проводятся работы и в организациях на региональной основе.

С 5 по 7 июля 2010 г. делегация экспертов *Росатома* приняла участие во втором региональном форуме стран АСЕАН с презентацией российских ядерных технологий и опыта строительства станций за рубежом. В рамках подготовки второго саммита Россия–АСЕАН 29–30 сентября 2010 г. в Ханое с участием ГК *Росатом* состоялся научно-технический семинар «Мирное использование атомной энергии в Азиатско-Тихоокеанском регионе». Целью семинара явилась презентация российского потенциала возможного развития сотрудничества между Россией и странами АСЕАН в области мирного использования атомной энергии, внедрения инновационных и ядерных российских технологий, в том числе и по следующим направлениям: строительство атомных электростанций, ядерных исследовательских центров и других объектов атомной энергетики в России и за рубежом, научно-техническое обеспечение ядерно-топливного цикла, создание комиссий по нормативно-правовому регулированию в области использования атомной энергии с учетом рекомендаций и требований МАГАТЭ, подготовка национальных кадров для атомной отрасли и информация о возможностях коммерциализации и применения ядерных технологий в различных сферах народного хозяйства – это изотопная продукция, ядерная медицина, водоподготовка и прочие другие.

По итогам проведения мероприятий разрабатываются и реализуются предложения по мерам, нацеленным на расширение научно-технологического сотрудничества, обмена технологиями, стимулирование коммерциализации наиболее перспективных российских технологий в Юго-Восточной Азии, а также формирование эффективного механизма установления прямых связей в указанной сфере и развитие государственного и частного партнерства. Российская Федерация готова выходить на международные рынки с предложением высокотехнологичной конкурентоспособной продукции. В связи с этим, обладая большим международным опытом по реализации проектов атомной энергетики в разных странах мира, она продолжает наращивать свое участие в деятельности ведущих многосторонних объединений Азиатско-Тихоокеанского региона.

ГАЛУЗИН: 2010 г. дал немало неплохих, конкретных, пусть и небольших по масштабам, примеров успешной работы российских компаний в высокотехнологичных сегментах экономики стран Юго-Восточной Азии.

Одним из ведущих операторов мобильной связи в Юго-Восточной Азии становится российский *ВымпелКом*, который последовательно укрепляет свои позиции на рынках услуг мобильной связи и иных телекоммуникационных услуг. Есть хорошие заделы по поставкам в регион самолетов *Super-Jet (Сухой)* и целый ряд других проектов.

Те тенденции, которые все-таки преобладали в наших двусторонних отношениях с государствами Юго-Восточной Азии, предположительно, получат продолжение и в 2011 г. с прицелом на наше председательство на саммите АТЭС, подкрепляя, таким образом, нашу стратегию вхождения в АТР, в институты экономической интеграции и политического взаимодействия в этом районе мира.

Всем известно, как начали работать сахалинские проекты. В Южно-Сахалинске с японским участием создан крупнейший в Азии завод по сжижению природного газа. Конечно, это только начало. Перспективная задача – это сотрудничество в чрезвычайном реагировании в Азии. Здесь нам есть что предложить. Наконец, такой сегмент, как телекоммуникационный блок – здесь тоже есть определенные наработки, с Японией в том числе.

Несмотря на то, что нам есть с чем идти в регион, на сегодня мы сделали меньше, чем хотелось бы в плане конкретных, продуманных, проработанных стратегических проектов.

ПРОБЛЕМЫ И ПРОГНОЗЫ

ОРЛОВ: Существует ряд внутренних трудностей, которые усложняют выполнение российских внешнеполитических задач в регионе АТР.

Первая трудность очевидна и вряд ли вызывает какие-то сомнения. Речь идет о географическом факторе, об управлении и развитии региона, находящегося в 9 тыс. км от федерального центра.

Второе – это демографический фактор: 7 млн человек, проживающие в основном в крупных городах, расстояние между которыми – в среднем 400 км. Проблемы демографические наслаиваются на проблемы и вызовы миграционные (вопрос здесь также состоит в том, проблема это или возможный путь решения проблем).

Третье – при наличии повестки дня, которая Россией сформулирована в отношении региона, все-таки пока есть сомнения в наличии четкой стратегии развития российского Дальнего Востока.

И, наконец, *четвертое*: отсутствуют, за редким исключением, масштабные, привлекательные стратегические проекты, равно важные для региона, для федерального центра и для тихоокеанских соседей России. Тем более что сегодня хотелось бы сосредоточиться не столько на проблемах, хотя их интересно обсудить, сколько на возможностях для России. Такие возможности, безусловно, имеются, чтобы вписаться в XXI в. – азиатско-тихоокеанский век. И при этом вписаться не в качестве младшего партнера, а вписаться достойно.

НИКОНОВ: Чрезвычайно важное направление – это социально-экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока в рамках единого индустриально-промышленного комплекса России. Стратегия эта была утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации в декабре 2009 г. как стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.

Соседство с динамично растущим регионом, который является к тому же огромным рынком, открывает для России возможности модернизации экономики, наращивания экспортного потенциала, объемов получаемых инвестиций, создания совместных предприятий и локализации высокотехнологичного сегмента производства на самой территории Российской Федерации через встраивание ее в интеграционные цепочки в регионе и в мировой экономике. Это действительно исключительно важно.

Если мы посмотрим на инвестиции, то доля инвестиций из АТР в экономику Российской Федерации до начала кризиса в 2008 г. составляла только 5,8% от общего объема инвестиций в российскую экономику. Но кризис радикально изменил это положение. Если западные инвестиции в Россию перестали приходить и был спад, то за годы кризиса инвестиции в Россию из стран АТР увеличились в три раза. После кризиса доля АТР в общем объеме инвестиций составляет 21%. Это действительно огромный прирост. Ситуация меняется прямо на наших глазах.

И наше сотрудничество может идти по самым разным направлениям. В странах АТР наш традиционный экспорт – это сырье: топливно-энергетические ресурсы (нефть, нефтепродукты, уголь), металлы первичного передела, лес и морские биоресурсы. В ближайшее время потенциально могут войти в эту категорию электроэнергия и природный газ. Но пока мы не являемся каким-либо значимым фактором в региональных энергетических и сырьевых балансах. Нас там практически незаметно. Если мы посмотрим долю российского экспорта в потребностях региона, то по нефти наш экспорт – это 1,7%, по газу – 0,002% и по каменному углю – 0,8% от потребностей региона в сырьевых ресурсах. Это наши серьезнейшие позиции.

Уделяя большое внимание вопросам укрепления наших позиций по традиционным сырьевым направлениям, нам важно выпускать, продвигать на рынки АТР новые, высокотехнологичные товары, услуги, осуществлять совместные проекты в сфере инновационных, передовых и индустриальных технологий.

Уже упоминались вопросы, связанные с проектами в области атомной энергетики и ядерного топливного цикла. Здесь можно действительно назвать Вьетнам. Но одновременно состоялся и японский прорыв на рынок электростанций Вьетнама. Если мы получили контракт на 5,5 млрд долл., то японцы получили более чем на 14 млрд долл. При этом японцы свои атомные контракты подкрепляют кредитными линиями, а Россия пока еще не подтвердила возможность предоставления соответствующего кредита. И на это, именно на наш первый опыт в Юго-Восточной Азии, внимательно смотрят и в соседних странах, где *Росатом* собирается осуществлять свои проекты – в Индонезии, Таиланде, Малайзии и Филиппинах.

Довольно перспективно сотрудничество со странами региона в космической области по созданию собственных пусковых площадок в Южной Корее, ракетносителей и ракетных двигателей (Япония и Южная Корея) и оказанию услуг по коммерческим запускам в космос (это Япония, Южная Корея, Индия, Малайзия, Индонезия).

Важное значение имеют программа локализации высокотехнологичного сегмента производственной деятельности компаний региона на территории Российской Федерации и стимулирование импорта в Россию технологий и высокотехнологичного оборудования. Мы уже имеем большой опыт в этой области с точки зрения автомобильного производства – практически все крупнейшие азиатские производители так или иначе представлены на нашем рынке. Но в качестве *пилотных* сейчас предлагаются такие направления экономической деятельности, как фармацевтика, медицинская техника, электроника, станкостроение, транспортное машиностроение.

Есть проекты модернизации российских верфей для производства крупных судов, в том числе судов-газовозов, модернизации предприятий российского химического комплекса с привлечением компаний из Японии, Южной Кореи и ряда других стран. Имеются планы более полного использования транзитного потенциала Российской Федерации, прежде всего Транссиба, а также возможности налаживания зернового экспорта в АТР через российские дальневосточные порты. Сейчас у нас нет зерновых перевалочных портов на Дальнем Востоке, в то время как на экономики стран – членов АТЭС приходится 38% мирового импорта зерна.

Очень важно правильное позиционирование России в довольно сложной геополитической системе региона и более активное участие в интеграционных процессах АТР.

Отношение к России в регионе очень неоднозначное. С одной стороны, мы по-прежнему воспринимаемся как политическая сверхдержава с большими возможностями влияния на политические процессы, как возможный противовес другим политическим (и не только политическим) сверхдержавам в регионе. Но в то же время Россия воспринимается в регионе как экономический карлик. Кроме того, к России очень настороженное отношение, в том числе и в цивилизационном плане. То есть восприятие России именно как азиатско-тихоокеанской страны – это то, что еще должно прийти. Даже пробное выдвигание нашей инициативы о проведении заседания АТССБ в Москве вызвало просто

панический ужас в руководящих кругах АТССБ, которые, в общем-то, не хотят выпускать любые встречи организации за пределы стран АСЕАН. То есть стремление АСЕАН сидеть в *водительском кресле* ощущается очень и очень сильно.

Но в то же время Россия достаточно плотно интегрирована во все крупнейшие региональные объединения – это и АТЭС, это и АРФ, это и Совещание по мерам взаимодействия и мерам доверия в Азии, и РИК, и БРИК, и ШОС, и многое другое.

На мой взгляд, именно в 2010 г. завершился важный этап. Мы приближаемся или уже пришли к некоему *промежуточному финишу* в соревновании различных интеграционных проектов и проектов выстраивания архитектуры безопасности АТР, которые состоялись на протяжении многих лет. Расширенный формат восточноазиатских саммитов, который также можно интерпретировать как формат АСЕАН+8, все больше и больше выдвигается на первый план, и, судя по всему, именно он станет основным в выстраивании архитектуры АТР XXI в.

Эта схема устраивает далеко не всех в регионе. Очевидно, что в тех же руководящих кругах АРФ, например, растет очень сильное сопротивление – они видят большое соперничество, в том числе и в сфере безопасности. Если до этого АРФ считал себя главной организацией безопасности в АТР, то сейчас, судя по всему, на эту роль будет претендовать встреча министров обороны, первая из которых прошла в Ханое в формате АСЕАН+8, или расширенный Восточноазиатский саммит.

А.В. ЛУКИН (ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И ШОС МГИМО (У) МИД РФ): Говоря о присутствии России в АТР, важно отметить ряд трудностей, тем более что ситуация не очень радужная. Внешняя политика не может быть активной и продуктивной, если она не подкреплена реальными внутренними достижениями, *внутренней мощью* страны.

Первая проблема в связи с этим – это проблема развития и реформирования. У нас модно говорить о Горчакове. Но вопрос в том, что в то время проводились важнейшие реформы во всех областях, которые привели к реальному экономическому росту, к перестройке армии и росту ее военного могущества. Имеем ли мы такие реформы сейчас? Конечно, какие-то реформы сейчас проводятся, но будут ли результаты такими блестящими, как в XIX в., пока судить рано.

Вторая проблема связана с конкретными региональными *проектами*. Действительно, какие-то проекты на Дальнем Востоке России реализуются. По сравнению с прошлым положение улучшилось – есть сахалинский проект. Во Владивостоке действительно что-то строится, как на о. Русский, так и в самом городе. Впервые за десятилетия там вообще что-то строится. Но все нивелируется демографической ситуацией – население бежит с Дальнего Востока и из Сибири: оно уменьшилось на 2–3 млн по сравнению с советским периодом.

Плохой инвестиционный климат, как в целом в России, так и на Дальнем Востоке в особенности, вносит свои коррективы в развитие проектов. Что говорить, если премьер-министру нужно два раза слетать на место, чтобы там началось строительство моста. На такой основе нельзя строить серьезное развитие. В США или в Китае никто не ездит и не говорит: «Стройте мост, а то хуже будет».

Для того чтобы усилить присутствие России в АТР, необходимо решить эти две проблемы, тем самым усилив *внутреннюю мощь*.

Какие у России уже есть факторы мощи? Единственным довольно сильным фактором остается военный фактор, но его значение в последнее время меняется. Можно осторожно использовать этот ресурс, но только с учетом растущего политического влияния некоторых других стран. При этом экономическая составляющая смотрится очень слабо.

Россия пока не воспринимается как часть региона на глубоком, в том числе экспертном, уровне. В МИДах стран изучение России ведется в отделах Европы или Восточной Европы и Центральной Азии. В Китайской академии общественных наук есть Институт АТР, там нет ни одного специалиста по России – они вообще Россией не занимаются. Зато там есть отдельные институты России и Центральной Азии, где много людей занимается Россией. То есть Россия воспринимается как европейская и лишь частично центрально-азиатская страна.

Ключевую роль здесь играет слабое экономическое присутствие России в регионе. Несмотря на то, что в последнее время наша торговля с рядом стран региона растет, торговый оборот России с Китаем раз в семь меньше, чем торговый оборот США с Китаем, в несколько раз меньше, чем торговый оборот Японии или Южной Кореи с Китаем.

Теперь о культурной составляющей, или в целом о том, что называется *мягкой силой*, которая *может* стать весомым дополнением к экономическому присутствию нашей страны в регионе АТР. Что Россия может предложить этому региону в качестве образца? Список здесь очень небольшой. Есть у нас традиционная американская модель, которая, кстати, теряет сейчас свою популярность. Это демократия, рыночная экономика и т.д. В последнее время популярность приобретает китайская модель, так называемый *пекинский консенсус* – грубо говоря, китайская модель экономического развития. А что Россия может предложить? Суверенную демократию, модернизацию, которая у нас только едва начинается (говоря интеллигентно), инновации? Можно было бы гораздо лучше работать с нашим культурным потенциалом, особенно культурными традициями.

Таким образом, нашей стране необходимо действовать по следующим направлениям. Первое – работа с существующими организациями, способствование и, по возможности, стимулирование экономического присутствия России в регионе. Нужно развивать двустороннее сотрудничество, способствовать росту товарооборота, улучшению торгового баланса. Второе – необходимо стараться планомерно обеспечивать участие России в международных организациях и региональных процессах. При этом я считаю, что сейчас не время для глобальных проектов, потому что нужно просто работать и создавать условия для того, чтобы внутреннее развитие и российское присутствие в регионе, которое последует за этим внутренним развитием, планомерно росло.

ВОРОНЦОВ: Российский Дальний Восток является первопричиной и первоосновой нашего появления в АТР в качестве достойного партнера. Мы говорим о необходимости проводить политику интеграционную, представляя наш Дальний Восток составной частью нашей экономики и так далее, но в самом регионе сложилось другое ощущение, и оно широко распространено среди местного населения. В крайних формах оно звучит примерно так: Москва – центр – проводит в отношении этого региона колониальную политику. Там есть ощущение, что центр проводит политику эксплуатации региона, эксплуатации природных ресурсов этого региона, все дивиденды уходят в Москву, а им ничего не остается, кроме загрязнения среды.

Вернемся к нашим реалиям, в частности к строительству во Владивостоке к саммиту АТЭС *сооружений*. Владивосток в результате этого строительства получит не только два моста, но еще и создание очистных канализационных систем (до сих пор все в океан сбрасывалось). Одна из проблем заключается в том, что населения не хватает, надо это менять, надо сюда миграционные потоки направлять. Лейтмотив такой – вы создайте для тех немногих, что здесь живут, нормальные условия проживания, а уж потом будем говорить о расширении населения.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ФАКТОР В РЕГИОНЕ: США И КИТАЙ

А.Г. ОГАНЕСЯН (МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ): Европа в последнее время, взирая на азиатский азимут, имея в виду Китай, все больше ощущает свою некоторую ущербность. Американцы тоже говорят о том, что Европа, даже объединенная, – никакая не сверхдержава. Как относиться к этому треугольнику, который некоторые сегодня от-

стаивают как будущие основные силы, которые могут играть роль глобальную, не только в Азии? Речь идет о *Chinerica* не в плане союза, который в основном экспертное сообщество считает невозможным на данном этапе, а о *Chinerica* как факторе влияния, как плите, которая давит на все глобальные процессы.

Некоторые полагают, что объединенной Европе абсолютно необходима Россия, чтобы в этом вот треугольнике занять достойное место. То есть Европе необходимо как можно теснее сблизиться с Россией в части экономической, но, может быть, и стратегической.

НИКОНОВ: Отношения между Китаем и Соединенными Штатами – это ось мирового развития в XXI в. И сомнений в этом нет никаких. *Chinerica* в том виде, в каком о ней говорили (*большая двойка*), абсолютно невозможна, потому что изначально Соединенные Штаты рассчитывали, что Китай поведется на эту игру и согласится на роль младшего партнера Соединенных Штатов. У Соединенных Штатов, как известно, *немладших* партнеров не бывает по определению.

Однако китайцы увидели именно это, а также возможности для США влиять на внутренние китайские процессы, поэтому идея *большой двойки* никогда не материализуется. Напротив, Соединенные Штаты сейчас начали активно создавать коалицию по сдерживанию Китая. Главный ограничитель китайского подъема и китайского роста – это внешняя реакция на китайский подъем и рост. А именно на то, что это не нравится практически никому из других крупных мировых держав. Если мы посмотрим географию последнего визита Барака Обамы в страны Азии, она демонстрирует те точки, которые США хотели бы подключить к процессу формирования альянса по сдерживанию Китая, включая Индонезию (тоже крупнейшее государство Юго-Восточной Азии). Безусловно, большая ставка в этом процессе делается на Индию.

Китай превращается во вторую сверхдержаву современного мира, для которого *стратегически* отношения с Россией очень важны, поскольку создают ему единственный доступный для него стратегический тыл и стратегическую глубину. Все остальное ему приходится так или иначе отвоевывать или защищать. Поэтому наши отношения с Китаем важны для самого Китая в первую очередь. Мы, в свою очередь, в таком соседстве *обречены* на то, чтобы иметь очень хорошие дружеские отношения с Китаем.

В.В. СУМСКИЙ (ЦЕНТР АСЕАН В МГИМО (У) МИД РФ): Азия насквозь глобализована. И, если мы хотим там что бы то ни было делать, отказаться от *глобального видения* себя и региона, от построения каких-то глобальных планов – это значит обречь на поражение любые усилия, которые мы будем предпринимать.

Первостепенной становится проблема выработки политики, которая была бы одновременно реалистична и глобальна. Второй момент – это тема угроз, их наличия или отсутствия, и если наличия, то их природа и их степени. Ну и третья тема – это необходимость правильного геополитического позиционирования России в Азии.

Стержнем восточноазиатской геополитики становится соперничество между Китаем и США. В этот регион смещается центр мирового экономического развития, и одновременно там накапливается конфликтный, проблемный потенциал. Эти две вещи внутренне взаимосвязаны. Чем больше обещает миру в плане экономического развития Восточная Азия, тем больше туда устремляется самых разнородных интересов и тем больше не только вероятность их взаимного примирения и какой-то гармонизации, но и конфликтов. И с этой точки зрения тот факт, что по мере подъема Азии выявляется именно проблемный конфликтный потенциал, абсолютно закономерен.

Важно понять и то, что соперничество США и КНР носит не региональный характер. Это глобальный характер, причем не за региональную гегемонию, а как минимум *одновременно* и за региональную, и за глобальную гегемонию. Такие споры, когда они, например, случались в Европе, никогда ничем хорошим не кончались. И с этой точки зрения я бы не стал утверждать, что угрозы, которые *копятыся* в этом регионе, носят такой уж не-

очевидный характер. Да, напрямую никто никому не угрожает, с этим можно согласиться, но вот со всем остальным я бы поспорил.

Как в этой ситуации России правильно себя позиционировать геополитически?

Россия ни в коем случае не должна вставать целиком на сторону одного из двух основных главных игроков: поддерживать дружеские отношения с Китаем как со своим ближайшим великим соседом либо принимать США как все еще ведущую державу современности. Встав на сторону любого из них, она даст резкий толчок поляризации сил в этом регионе, а также процессам, которые могут подорвать тот самый экономический динамизм, ради которого мы хотим быть в Азии. Встав на сторону любого из этих игроков, она наживет себе моментально такого врага, который в данный момент времени, безусловно, сильнее ее, и она будет рисковать стягиванием в конфликт, который нанесет ей непоправимый и неприемлемый ущерб.

Что такое логическая альтернатива присоединению?

Наверное, *неприсоединение*. России в XXI в. надо занять в мировой конфигурации то место, которое занимало в ней в веке XX движение неприсоединения. В морально-политическом плане это исключительно выгодная позиция, как показал нам и опыт XX в. Эта позиция избавляет нас от участия в той борьбе и той схватке, в которой мы выиграть не можем ничего, потому что реально не являемся претендентами на мировую гегемонию. Эта стратегическая позиция очень выгодна с точки зрения развития нашего сотрудничества с подавляющим большинством стран Восточной Азии. В первую очередь, указал бы на АСЕАН как на группировку, которая наиболее последовательным образом пытается проводить вот эту линию на поддержание регионального баланса и недопущение каких-то сдвигов в региональном равновесии, которые носили бы уже необратимый характер.

ОРЛОВ: Таким образом, России важно решать как внешнеполитические, так и внутренние, социально-экономические задачи на нашем Дальнем Востоке.

Накануне саммита АТЭС Россия должна решить несколько блоков задач в своих отношениях с партнерами по региону. Это высокотехнологичное сотрудничество в атомной энергетике (международные проекты, в том числе и на площадке Международного центра по обогащению урана в Ангарске), нанотехнологии, сотрудничество в области космоса и сотрудничество в области информационных технологий. В последнем случае у российских компаний, например, у такой компании, как *DST*, известной нам как *Mail.ru*, есть очень жестко сформулированные амбициозные планы взаимодействия с государствами АТР, прежде всего с Японией, Республикой Корея, Соединенными Штатами. И это, наверное, пока еще и недоиспользованный ресурс сотрудничества.

Что касается области безопасности, то присутствует как традиционная, так и новая повестка дня: предотвращение распространения оружия массового уничтожения, ракетных технологий и технологий двойного назначения (здесь, конечно, имеем в виду КНДР), противодействие терроризму и особенно финансированию терроризма, в том числе и на стыке проблем нераспространения. На этом направлении уже сейчас ведется серьезная работа.

Говоря о важности сопряжения социально-экономического развития российского Дальнего Востока и реализации российских внешнеполитических задач в регионе, нельзя не обратить внимания на, возможно, неслучайное совпадение: сегодня [6 декабря 2010 г. – *ред.*] председатель правительства Российской Федерации находится в Хабаровске, проводит там межрегиональное совещание *Единой России* и обращается к проблемам Дальнего Востока. Как он заметил, применительно к дальневосточным проблемам: «Что является ключевым? Прежде всего, развитие инфраструктуры и энергетики, создание новых рабочих мест и, может быть, не так, как в других местах, а более интенсивное развитие инновационной деятельности, связанной с тем, что наш Дальний Восток должен быть естественной частью АТР». Конечно, в Москве социально-экономический

рывок региона ощущается сегодня уже как насущная, неотложная задача. Однако не получится реально интегрировать российский Дальний Восток в мировую экономику без привлекательных масштабных проектов.

Всегда есть вопрос *сверхзадачи*. Собственно, зачем все это надо? Мне показалось любопытным, как эту *сверхзадачу* сформулировала молодой эксперт с Дальнего Востока Мария Теплоухова, которая в журнале *Индекс Безопасности* опубликовала ранее статью⁴. Она предлагает такую формулировку: «В качестве одного из наиболее рациональных и перспективных путей стоит признать *интеграционный путь*, предполагающий равное внимание как к региональной экономике для российского Дальнего Востока, так и к политике, образовательным программам, к проектам в области безопасности. Этот путь исключает выстроенную за последние два десятилетия систему взаимоотношений регионов нашей страны, при которой приграничные территории выступали бы только в качестве источника природных ресурсов».

Можно говорить о стратегии интеграции или о стратегии неприсоединения – но ключевым является факт наличия видения и понимания нами *сверхзадачи* по отношению к региону АТР.

Примечания

¹ Круглый стол состоялся 6 декабря 2010 г.

² Выступление основано на материалах приветственного слова.

³ Все должности указаны на момент проведения круглого стола.

⁴ Теплоухова М. Владивосток 2012: АТР–Россия и о чем говорить на саммите. *Индекс Безопасности*. 2010. № 1 (92). С. 87–104.